

Глава 14. Огласка

За всю ночь воду в ванне меняли дважды. Несколько раз Мо Мин, уже лежа в постели, почти проваливался в сон, но Хань Шаочжоу с неумным азартом снова подхватывал его на руки и нес обратно в воду.

Юноша не знал, где Шаочжоу набрался этих премудростей. Раньше тот был консервативен: в делах близости он полагался лишь на грубую силу да выносливость. Но с каких-то пор в мужчине проснулась жажда экспериментов. Слово открыв для себя дивный новый мир, он обрушил на партнера лавину бесстыдных и изощренных приемов, перед которыми было невозможно устоять.

Мо Мин лишь радовался, что на завтра у него не запланировано съемок. Учитывая нынешнее состояние тела, он вряд ли сможет даже подняться с кровати.

Его спина словно прижалась к раскаленной печи — твердой и теплой. Юноша чувствовал во всем теле такую слабость, что едва ощущал конечности, но подсознательно понимал: эта температура идеальна. Она дарила именно то расслабление, которое было необходимо, чтобы наконец уснуть.

Стоило ему замереть на тридцать секунд, как он провалился в глубокое забытие.

— Ну как, твой Брат Чжоу хорош? — бесстыдно шептал тот, кто лежал сзади, прижимаясь губами к его затылку. — Тебе ведь понравилось, малыш? Дай мне оценку...

За все свои двадцать семь лет Хань Шаочжоу был близок только с Мо Мином, и весь его сексуальный опыт ковался здесь же. О том, хорош ли он в деле, мог судить лишь единственный человек. Раньше Хань считал: раз он — золотой господин, то достаточно и его собственного удовольствия. Но со временем пришло осознание: истинное величие мужчины доказывает лишь наслаждение его партнера.

Он не был таким ветреным, как Чжао Чэн, который мог часами рассуждать о своих похождениях. Перед этим знатоком женских сердец президент Хань выглядел бы сущим неофитом.

Впрочем, ему было плевать. Главное, чтобы Мо Мин считал его лучшим.

Однако у юноши не осталось сил даже на короткий ответ. Хань Шаочжоу же, словно одержимый жаждой получить «пятизвездочный отзыв», продолжал беспокойно прижиматься к нему:

— Ну как тебе? М-м? Неужели не удовлетворен?

Голова Мо Мина была тяжелой, словно налитая свинцом. Не в силах больше терпеть, он шевельнул губами, выдохнув едва слышный звук:

— Да... удовлетворен...

Этого мужчине хватило. Ощущая, как грудь распирает от гордости, он крепче прижал юношу к себе.

— Ты был так прекрасен сегодня на съемках... — прошептал Шаочжоу, целуя волосы Мо Мина.
— Теперь я буду заглядывать к тебе почаще. Не волнуйся, я постараюсь держать себя в руках...

Тот уже спал, но Хань Шаочжоу всё продолжал говорить, не в силах остановиться.

— Спи... — он еще раз коснулся губами макушки партнера.

***

Мо Мин проспал весь следующий день, не разбирая времени. Когда он открыл глаза, наступил уже вечер вторых суток.

Хань Шаочжоу ушел рано утром — спешил на совещание в компанию. Днем он, не выдержав, заскочил домой, привезя обед из ресторана. Увидев, что юноша всё еще безмятежно спит, мужчина не решился его тревожить: оставил еду на кухне и отправил сообщение.

Вечером у него был запланирован благотворительный вечер в соседнем городе, так что вернуться к ночи он не успевал.

Мо Мин включил телефон. Помимо сообщения от Ханя, на экране высветилось несколько пропущенных вызовов от Сяо Суна и его агента, Си Нань. Все они были сделаны меньше получаса назад.

Интуиция подсказывала — что-то произошло. С трудом сев на кровати, Мо Мин перезвонил Сестре Нань.

— Простите, Сестра Нань. Я только включил телефон и увидел ваши звонки, — его голос, еще затуманенный сном, звучал хрипло. — Что-то случилось?

— Ты что, только проснулся?

— Э-э... ну...

— Ладно, неважно, — быстро перебила Си Нань. — Ты уже видел видео, которое гуляет по сети? Мне нужно точно знать, какие у тебя отношения с президентом Ханем. От этого зависит, в каком ключе мы будем выстраивать работу со СМИ.

Мо Мин на мгновение оцепенел.

— Какое... какое видео?

— Ты еще не заходил в интернет? Понятно, только глаза открыл. Полчаса назад в сеть слили ролик с тобой и президентом Ханем. Сейчас вы в топах всех соцсетей, — Си Нань многозначительно усмехнулась. — Мо Мин, а ты умеешь хранить секреты. Никто и словом не обмолвился, что ты связан с таким человеком.

Си Нань была женщиной строгой и властной, но к Мо Мину всегда относилась с некоторой снисходительностью. «Синцы» предоставили юноше широкую свободу в выборе ролей, и агент долгое время считала его просто богатым наследником, решившим поиграть в актера. Она и представить не могла, что за его спиной стоит Хань Шаочжоу.

Эта новость ошеломила не только интернет-пользователей. Даже Сестра Нань, повидавшая всякое, не могла скрыть своего изумления, увидев те кадры.

«...»

Долгий сон оставил после себя легкое головокружение. Мо Мин потер виски и негромко произнес:

— Мы с Хань... с президентом Ханем просто друзья.

Наверное, их сняли вчера, когда Шаочжоу приходил на съемочную площадку. Других объяснений не было.

— Друзья? Ты уверен?

— Да, просто друзья, — спокойно повторил Мо Мин. — Сестра Нань, вам не стоит об этом беспокоиться. Я не планирую надолго задерживаться в индустрии, так что подобные слухи мне не повредят. Поступайте, как считаете нужным.

В шоу-бизнесе сплетни о романах — дело обыденное. Они вспыхивают и гаснут. К тому же он не был топовым артистом, а память у публики коротка: завтра появится новый скандал, и о нем забудут.

— Мо Мин, если честно, тут и спасать-то нечего. Имидж Хань Шаочжоу в глазах публики куда

чище, чем у большинства наших артистов. Любая связь с ним для актера — это золотая жила. Тебе не нужно оправдываться.

Хотя Си Нань была поражена этой связью, как профессионал она видела в этом огромный приток трафика. Окажись на месте Мо Мина любой другой подающий надежды молодой айдол, она бы не стала ничего опровергать — напротив, выжала бы из ситуации максимум. Но Мо Мин... с ним любые маркетинговые стратегии заходили в тупик из-за его полного равнодушия к славе.

— Сестра Нань, между мной и Хань Шаочжоу не те отношения, о которых вы думаете.

Си Нань рассмеялась:

— Мо Мин, возможно, тебе стоит сначала посмотреть видео. Если появятся мысли — звони.

«...»

В душе юноши поселилось нехорошее предчувствие.

— И еще, Мо Мин, — добавила агент уже серьезнее. — Я должна тебя предупредить. Вместо того чтобы тонуть в иллюзиях о прекрасной любви, лучше используй это как трамплин. Многие добиваются успеха не потому, что у них за спиной гора золота, а потому, что умеют ловить момент. К тому же... ты и сам должен понимать, сколько ты на самом деле весишь в сердце Хань Шаочжоу.

Си Нань прекрасно знала и Вэнь Цы, и Мо Мина — оба они были ее артистами. Все скрытые мотивы этой истории она видела насквозь.

— Я понял, Сестра Нань. Спасибо за предупреждение.

Положив трубку, юноша сразу полез в сеть.

Искать не пришлось: его имя красовалось на первой строчке горячих запросов.

Когда он открыл видео, которое уже репостнули сотни тысяч раз, голова закружилась еще сильнее.

Он-то думал, что их просто сняли вместе. Но в сеть попала запись с камеры наблюдения в гримерке: тот самый момент вчерашнего поцелуя.

Мо Мин почувствовал себя полным дураком. Он совсем забыл, что в гримерной установлены

камеры. Несколько дней назад у одного из артистов там пропал браслет стоимостью более двадцати тысяч, а поскольку на площадке всегда было людно, руководство решило вести круглосуточную съемку.

Камера была направлена прямо на гримерные столики. Угловые переодевалки оставались в «слепой зоне», иначе в кадр попало бы и то, как они по очереди заходили в одну кабинку.

При просмотре у Мо Мина от смущения подогнулись пальцы на ногах. Хотя Хань Шаочжоу стоял спиной к объективу, полностью закрывая собой партнера, их объятия и движения были слишком красноречивыми... и неистовыми.

Разрешение записи было высоким. Когда они вместе выходили из комнаты, их лица предстали перед камерой во всей ясности.

Отрицать очевидное было бессмысленно.

«Я только что так уверенно доказывал Си Нань, что мы просто друзья... Должно быть, она решила, что я держу её за идиотку»

В комментариях бушевал ураган. Откровенной ненависти не было — скорее, всеобщее потрясение. И было очевидно, что Хань Шаочжоу куда знаменитее.

По сути, это Шаочжоу вытащил Мо Мина в тренды.

[А-а-а, моя молодость официально закончилась! Мой Брат Хань влюбился в кого-то другого?!]

[Брат Хань три года как не в шоу-бизнесе, но одна новость о его романе взрывает интернет! Вот он — настоящий топовый артист!]

[У-у-у, наш маленький президент Хань наконец-то не одинок. Я так плакала над его несчастной любовью в те годы, прямо как мама-фанат.]

[Боже, это же Мо Мин, мой новый любимчик! Посмотрите на его фото в образе, разве он не прекрасен?!]

[Они так долго целовались... аж смотреть неловко. Черт, у меня даже слюнки потекли.]

Мо Мин бегло просмотрел ветку, бросил телефон на подушку и прикрыл глаза рукой, откинувшись на спинку кровати. Хань Шаочжоу — человек не из индустрии, да и сам он не знаменит. Шумиха должна утихнуть довольно быстро.

По крайней мере, он на это надеялся.

Вспомнив о Сяо Суне, Мо Мин перезвонил ассистенту.

— Брат Мо, наконец-то ты взял трубку! — Сяо Сун был на грани слез. — Ты видел сообщения, которые я присылал ночью? И это видео... ты его видел?

— Всё видел, — Мо Мин устало потер переносицу.

— И что ты... — голос ассистента дрогнул и стал тише. — Что ты об этом думаешь?

— Пусть будет как будет. Сестра Нань разберется. Не бери в голову.

Плыть по течению сейчас казалось лучшим выходом. Что бы ни болтали в сети, на его реальную жизнь это не должно было повлиять.

Разве что когда он вернется в театральную труппу своего учителя, друзья наверняка замучают его шутками.

— Я не об этом, — вздохнул Сяо Сун. — Мои сообщения... ты ведь понял, Брат Мо? Этот президент Хань, он использует тебя как...

— Это моё личное дело, — отрезал Мо Мин. — Сяо Сун, просто выполняй свою работу.

Юноша редко говорил таким строгим тоном. Сяо Сун тут же притих.

— Хорошо... — пробормотал он.

— Да, есть еще кое-что, — поспешно добавил ассистент. — Компания выделила тебе жилой фургон и личного водителя.

— Фургон?

— Ага. Я уже осмотрел его — новенький, только сегодня пригнали. Завтра уже поедем на нем на площадку.

«...»

Он прекрасно понимал, чьих это рук дело. Видимо, после той тесной гримерки мужчина решил, что прятаться в фургоне будет куда удобнее.

— Хорошо, я понял, — сказал Мо Мин. — Пользуйся им, как обычно.

— Ладно, Брат Мо. До завтра.

Сяо Сун почувствовал, что спокойствие в голосе Мо Мина — лишь маска, но не решился больше ничего говорить. Он боялся, что тот пострадает в этих отношениях, но в то же время чувствовал, что юноша не так прост. За год работы он понял: за внешней мягкостью его подопечного скрывается удивительная ясность ума и трезвый расчет.

— Да.

Повесив трубку, Мо Мин поднялся с постели и, придерживая ноющую поясницу, медленно побрел в ванную.

Разогрев на кухне еду, которую привез Хань, юноша уселся за стол и открыл новое сообщение. Это был Брат Ся.

[Брат Ся]: А у вас с президентом Ханем всё серьезно [Таинственная улыбка]

[Мо Мин]: Брат Ся решил надо мной посмеяться? [Обиженное лицо]

[Брат Ся]: С чего бы это? Разве это плохо?

[Мо Мин]: [Плачущий смайлик]

[Брат Ся]: Ладно-ладно. На самом деле я знаю, почему ты ему так нравишься [Погладил по голове]

[Мо Мин]: [Обиженное лицо]

[Брат Ся]: Не бойся, Брат Ся тебя в обиду не даст [Лукавая ухмылка]

Глядя на экран, Мо Мин едва заметно улыбнулся.

[Мо Мин]: [Счастливое лицо]

***

В роскошном зале, залитом огнями, не смолкал звон бокалов.

Хань Шаочжоу увлеченно беседовал с деловым партнером, когда подошел ассистент и что-то негромко прошептал ему на ухо.

— Простите, я вынужден вас оставить на минуту, — Хань вежливо приподнял бокал и отошел.

Выйдя в пустой коридор, он достал телефон.

В топах висело имя Мо Мина, но внутри всё было забито новостями о нем самом. Помимо того сорокасекундного ролика, журналисты в сотый раз обсасывали его «трагическую историю любви» трехлетней давности.

Никакого негатива не было, напротив — пользователи засыпали Ханя комплиментами за его верность.

Когда он годами преследовал Вэнь Цы, ему было плевать на прессу. Его возлюбленный был топовым артистом, а значит, должен был привыкнуть к вниманию. Но сейчас вся эта мишура вызывала лишь скуку. Хань Шаочжоу твердо решил следовать пути, намеченному дедом, и стать серьезным бизнесменом — теперь его раздражало, что пресса лезет в его частную жизнь. Раньше он ленился их усмирять, вот они и решили, что он — такой же шут для развлечения публики, как и актеры.

Если в будущем Мо Мин станет звездой первой величины, Хань хотел бы оставаться в его тени, оставляя весь свет софитов своему «любовничку».

— Подавай в суд, — Хань убрал телефон и посмотрел на ассистента. — Выбери несколько самых активных изданий. Никаких извинений и досудебных соглашений.

— Понял, господин Хань, — быстро ответил тот. Учитывая суммы исков о защите чести и достоинства, эти СМИ могли сразу объявлять о банкротстве.

— И сделай так, чтобы это больше не попадало в тренды.

— Слушаюсь.

Когда помощник ушел, Шаочжоу собирался вернуться в зал, но вдруг вспомнил, что вчера обещал Мо Мину бонус. Интересно, пришел ли тот в себя после бурной ночи?

Он снова вытащил телефон и открыл чат. Лимит на переводы у него был неограниченным, так что через пару мгновений он отправил яркий красный конверт на сумму пять миллионов двести тысяч юаней.

У Хань Шаочжоу не было ни капли романтизма. Если он хотел сделать кому-то приятно, он

просто действовал по первому импульсу, не понимая изящных жестов. Даже когда он преследовал Вэнь Цы, его ухаживания были до примитивности вульгарны. Пока Гао Чэнь пел Вэнь Цы серенады под гитару, Хань Шаочжоу просто скупал целые залы, обеспечивая фильмам любимого артиста многомиллионные сборы. В итоге он не только не тронул его сердце, но и заслужил клеймо человека, оскорбляющего искусство.

Вэнь Цы как-то сказал ему в шутку: «Брат Хань, ты разве не замечаешь? Наши духовные запросы на совершенно разных уровнях...»

Эти слова, хоть и звучали легко, больно задели Ханя. Он долго жалел о своем упрямстве, о том, что в юности не слушал деда и не стал «культурным аристократом». Теперь, как бы он ни старался, он оставался просто дельцом, понимающим в акциях и инвестициях, но ничего не смыслящим в искусстве...

Прошла секунда, десять, тридцать...

[Малыш принял ваш подарок]

Хань Шаочжоу усмехнулся и продолжил ждать ответа.

Десять секунд, тридцать, пятьдесят...

Экран уже начал рябить перед глазами, но ответа так и не последовало.

Он и сам не знал, чего именно ждал, но простое «спасибо» сделало бы его вечер приятнее. Получить деньги и промолчать — это было как-то... холодно.

Но если напомнить об этом самому, будет выглядеть так, будто он кичится богатством и требует благодарности.

Поразмыслив, Хань отправил еще один конверт на ту же сумму.

Через три секунды пришло сообщение:

[Мо Мин]: [[Картинка: Кот со слезами на глазах разбрасывает деньги] Спасибо, босс!]

На душе у Хань Шаочжоу наконец потеплело. Глядя на этот забавный стикер, он не смог сдержать улыбки.

[Хань Шаочжоу]: [Завтра вечером продолжим наши игры в ванной [Смайлик в крутых очках]]

[Мо Мин]: [[Картинка: Кот молит о пощаде]]

Черт.

Мужчина почувствовал внезапное возбуждение. Он подозревал, что Мо Мин специально шлет такие картинки — то ли кокетство, то ли соблазн. Хотя нет, он был в этом уверен.

Едва он собрался ответить чем-нибудь двусмысленным, как кто-то хлопнул его по плечу.

— Старина Хань, ты чем это занят?

От неожиданности Хань Шаочжоу чуть не выронил телефон. Он инстинктивно заблокировал экран и обернулся, глядя на сияющего Чжао Чэна.

Тот был в винно-красном вельветовом костюме, волосы тщательно уложены — сегодня он выглядел куда солиднее своего обычного беспутного вида.

— Обязательно так подкрадываться? — недовольно буркнул Хань.

— Да я просто поздоровался, чего ты такой колючий? — Чжао Чэн хитро прищурился. — С кем это ты переписываешься с таким усердием?

Хань Шаочжоу убрал телефон в карман.

— Дела компании.

Чжао Чэн явно не поверил, но не стал настаивать. Он приобнял друга за плечо и отвел его в тихий угол коридора.

— Видел я то видео в сети. Ну ты и зверь, Старина Хань. Прийти на съемки к Мо Мину и так его зацеловать!

— Где ты там увидел, что я его заставлял? — Шаочжоу вспыхнул. На записи было ясно видно, как крепко юноша его обнимал.

— Ладно-ладно, не кипятись, — рассмеялся Чжао Чэн. — И что теперь делать будешь? Весь интернет об этом гудит.

— Пусть гудит. Не в первый раз пресса моет мне кости. Через пару дней найдут новую тему.

— Я не об интернете... Я о Вэнь Цы. Он ведь скоро возвращается в Чуаньхай.

Хань Шаочжоу помрачнел.

— К чему ты клонишь?

— Ты сам говорил: Мо Мин для тебя — просто забава, ты на нем никогда не женишься.

— Да, говорил, — подтвердил Хань. — И что?

— Мо Мин всегда был лишь заменителем Вэнь Цы. Я ведь прав?

Морщина между бровей Ханя стала еще глубже.

Этого он не мог отрицать. Когда он впервые был с Мо Мином, он представлял на его месте Вэнь Цы. Позже он даже просил юношу одеваться так, чтобы тот был почти неотличим от его первой любви.

В те времена в его сердце жила обида на Вэнь Цы. Горечь от того, что его отвергли, смешивалась с болью и досадой. Видя в сети счастливые фото Вэнь Цы с Гао Чэнем, он приходил в ярость. И тогда, будучи с Мо Мином, он закрывал юноше рот, требуя тишины — лишь бы окончательно поверить в иллюзию, что перед ним Вэнь Цы, и выплеснуть на него всю свою обиду.

Мо Мин тогда был удивительно послушен. Он делал всё, что ему говорили, не задавая вопросов.

Теперь, вспоминая об этом, Хань Шаочжоу понимал, что вел себя как настоящий безумец. Одержимый, вспыльчивый — после того разрыва он словно объявил войну всему миру, и только рядом с Мо Мином к нему возвращалось спокойствие.

— Да, — глухо ответил мужчина.

— Значит, ты всегда любил только Вэнь Цы... Послушай, Старина Хань, ты сам говорил, что даже после развода у тебя может не быть шанса. Но ты ведь даже не пробовал! — горячился Чжао Чэн. — А теперь, когда газеты трубят о твоём романе, ты можешь потерять последний шанс. Ты же знаешь Вэнь Цы. Он горд. Даже если он разведен, он не станет занижать планку...

Логика Чжао Чэна была проста: раз Хань Шаочжоу всё еще любит Вэнь Цы, он должен немедленно расстаться с Мо Мином. Но президент Хань словно страдал от застарелой травмы: в вопросах чувств он вел себя как страус, прячущий голову в песок.

Выслушав друга, Шаочжоу медленно расслабился и равнодушно произнес:

— Значит, шансов у меня всё равно нет.

— ...Я тебя совсем не понимаю! Твоя истинная любовь возвращается, а ты вцепился в этот заменитель и не отпускаешь. Так ты не только Вэнь Цы не вернешь, но и сделаешь из Мо Мина посмешище. В чем он-то виноват? Он к тебе со всей душой, а ты три года держишь его за тень другого человека.

Хань Шаочжоу почувствовал, как внутри закипает раздражение.

Зря он заговорил об этом с Чжао Чэном. Что этот бабник, меняющий женщин как перчатки, понимает в таких вещах?

У Ханя больше не было сил копаться в своих чувствах. В работе он мог быть аналитиком, но в жизни предпочитал полагаться на ощущения. Ему было хорошо с Мо Мином — значит, он продолжит держать его при себе. С чего он должен его бросать? Даже если он в чем-то виноват перед ним, когда придет время расстаться, он компенсирует это сполна. Денег у него хватит.

А что касается Вэнь Цы...

— Зачем я только тебя слушаю? — огрызнулся Хань и зашагал к залу.

Настроение было окончательно испорчено этим идиотом.

Чжао Чэн поспешил за ним:

— Да не злись ты! Я же как лучше хочу — и для тебя, и для Вэнь Цы, и для Мо Мина!

— Не нужно. О Мо Мине я позабочусь сам.

<http://bllate.org/book/15854/1435213>